

№ 5

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙСМАНЪ-ЛЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца. . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Дѣтство и жизнь поэта. М. Цебрикова. — II. Отрокъ. (Стих.). С. Дрожжина. — III. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ.

ДѢТСТВО И ЖИЗНЬ
ПОЭТА.

ВРНСТЪ Фейхтерслебенъ, извѣстный нѣмецкій поэтъ нашего вѣка, родился въ 1806 году. Мать его умерла вскорѣ послѣ его рожденія, и крошку Фейхтерслебена, по совѣту докторовъ, отвезли въ деревню къ кормилицѣ. Чистый деревенскій воздухъ, здоровая жизнь среди природы укрѣпили здоровье ребенка и имѣли сильное вліяніе на его характеръ и талантъ. Онъ говоритъ о вліяніи этомъ въ

одномъ стихотвореніи, съ глубокимъ умиленіемъ указывая другу на колокольную деревни, гдѣ провелъ первыя шесть лѣтъ жизни. „Здѣсь я былъ посвященъ въ жизнь; она явилась мнѣ въ свѣтлой красотѣ своей. Близость съ природой въ раннемъ дѣтствѣ пробудила мой умъ и оживила мое сердце. На берегахъ этого ручья стоялъ я такъ много разъ, слѣдя глазами за теченіемъ, возмущеннымъ вѣтвями, которыя я бросалъ въ свѣтлыя волны. Въ этихъ свѣтлыхъ волнахъ я видѣлъ колеблющееся и быстро исчезающее отраженіе самого себя. Въ шорохѣ сосенъ мнѣ слышался голосъ любящей матери и чужой, замѣнившей ту, которая умерла прежде чѣмъ я могъ назвать ее матерью. На томъ холмѣ я читалъ сказанія протекшихъ вѣковъ и съ книгой въ рукѣ карабкался вслѣдъ за козами по развалинамъ стѣнъ, на которыхъ мнѣ чудилась прекрасная владѣтельница замка. Какъ часто отдыхая на этихъ каменныхъ глыбахъ послѣ бѣшенago бѣга по ущельямъ и лѣсамъ, я слушалъ поднимавшійся изъ долины звонъ деревенскаго колокола, или стукъ цѣповъ, молившихъ рожь въ овинахъ и наслаждался такимъ полнымъ счастьемъ, воспоминаніе о которомъ уже счастье. За то доброе, которое есть во мнѣ, я благодарю горы и деревни. Жизнь среди нихъ даетъ чувствамъ чистоту, величіе и простоту“. Трудно было найти человѣка, который бы ненавидѣлъ все лживое, искусственное, притворное болѣе Фейхтерслебена. Жизнь крестьянъ, среди которыхъ онъ жилъ, научила его любить народъ и простую трудовую жизнь. Когда ему пришлось въ молодости переносить нищету и упорно бороться на избранномъ пути, воспоминаніе о простой трудовой жизни, которую онъ видѣлъ въ первыя шесть лѣтъ жизни въ деревнѣ, придавало ему бодрость и силу.

Когда Эрнсту минуло шесть лѣтъ, отецъ взялъ его къ себѣ въ Вѣну. Выросшій и окрѣпшій мальчикъ обнаружилъ такія замѣчательныя способности, что отецъ, несмотря на шестилѣтній возрастъ сына, отдалъ его въ терезіанскую

коллегію. Такъ называлось закрытое учебное заведеніе, основанное императрицей Маріей Терезіей, гдѣ воспитателями были католическіе патеры, а начальникомъ—необразованный офицеръ. Странна и дика показалась жизнь въ Kollegii мальчику, привыкшему къ приволью деревни. Онъ и самъ казался дикаремъ среди дѣтей, поступавшихъ въ Kollegію вышесказанными свѣтскою дрессировкою, умѣвшими складно болтать и ловко изворачиваться. Молчаливый маленькій Эрнстъ съ чисто деревенской простотою высказывалъ свое мнѣніе, когда его спрашивали, или когда что нибудь въ школьной жизни сильно затрогивало его. Онъ высказывался прямо, какъ думалъ, говорилъ правду, не заботясь о томъ, пріятна она или нѣтъ, и не могъ жить въ угоду другимъ, чтобы избавить себя отъ крупныхъ непріятностей.

Жизнь въ Kollegii была тяжелая. Католическіе патеры были большею частью люди суровые и необразованные. Біографы Фейхтерслебена говорятъ, что они вѣчно ссорились съ начальникомъ и сходились съ нимъ только въ одномъ — въ требованіи отъ учениковъ мгновеннаго, безпрекословнаго повиновенія не только разумнымъ приказаніямъ, но и малѣйшему капризу. Воспитанниковъ водили въ церковь по три раза на день, преслѣдовали дѣтскія игры, чтеніе, дѣтское товарищество, дружбу. Чуть только нѣсколько учениковъ собиралось потолковать о чемъ нибудь — играхъ, невинныхъ шалостяхъ, поразсказать видѣнное, слышанное или прочитанное, какъ къ нимъ подкрадывалась суровая фигура, и живая бесѣда смолкала, и веселая, шумная группа мгновенно разсыпалась въ разныя стороны. Среди нелюбимыхъ воспитателей было исключеніе. Учитель исторіи патеръ Бонтеръ Бонифаціусъ былъ умный и талантливый учитель. Одушевленное и краснорѣчивое преподаваніе его имѣло сильное вліяніе на Фейхтерслебена.

Въ каникулы отецъ Эрнста, человекъ образованный, пополнялъ недостатки и исправлялъ ошибки школьнаго ученія. Мальчикъ учился съ страстной любовью и успѣхи его

были изумительны для его лѣтъ. Отецъ его, находившійся на государственной службѣ, былъ человѣкъ строгій, почти суровый; постоянно занятый службой, огорченный несправедливостями, которыя видѣлъ и съ которыми боролся сколько было силъ, онъ могъ подать сыну примѣръ честности, исполненія долга, но не могъ дать ему дѣтскаго счастія, которое такъ необходимо ребенку. Послѣ непріютной школы маленькій Эрнстъ не видѣлъ дома ни ласокъ, ни радости. Отецъ любилъ его и гордился имъ; но былъ угрюмъ и не ласковъ, и ни усталость и никакія непріятности не заставили его ни разу пропустить урока. Маленькаго Эрнста не ждала дома нѣжная, любящая мать. Нечему было восхищаться его успѣхами, радоваться его радостью. Когда сынъ приносилъ хорошія отмѣтки, отецъ говорилъ спокойно: „Такъ и надо. И впередъ должно быть тоже“. Отсутствіе грѣющей любви и ласки сильно повліяло на характеръ Фейхтерслебена. Онъ росъ печальнымъ, задумчивымъ ребенкомъ, сходилъ коротко съ очень немногими, хотя для всѣхъ былъ добрымъ товарищемъ. Печальное дѣтство оставило слѣды и на всю жизнь его. Фейхтерслебенъ отличался меланхолическимъ, мало общительнымъ характеромъ и рано полюбилъ чтеніе. Онъ восторженно увлекался героями древняго и новаго міра и старался подражать имъ. Онъ не могъ идти защищать отечество отъ римлянъ какъ Аннибалъ, зато спалъ какъ герой этотъ на голомъ полу; онъ не могъ какъ Александръ Македонскій проходить песчаныя пустыни, терпя голодъ и жажду; но могъ терпѣть голодъ и жажду въ стѣнахъ коллегіи; и терпѣлъ насколько позволяло здоровье. Чтобъ пріучить себя къ лишеніямъ удовольствій, онъ отказывался отъ школьныхъ праздниковъ и не ходилъ иногда домой въ тѣ дни, когда это было бы ему по чему нибудь особенно пріятно. Такія лишенія развивали въ немъ самообладаніе.

Разъ отецъ прислалъ Эрнсту тарелку земляники. Эрнстъ былъ въ классѣ и тарелку поставили на окно въ спальнѣ.

По окончаніи урока онъ вошелъ въ спальню съ товарищемъ, который, услышавъ ароматный запахъ, началъ просить ягодъ. Эрнстъ отказалъ; онъ хотѣлъ оставить ягоды до вечера и тогда угоститься съ товарищами. Просившій товарищъ рассердился и упрекнулъ его въ жадности. Тогда Эрнстъ взялъ тарелку и прехладнокровно выбросилъ ягоды за окно.

Если разъ Фейхтерслебенъ оставилъ товарищей безъ ягодъ, за то въ другой разъ доставилъ имъ пріятныя прогулки. Одна иностранная принцесса, посѣтившая терезіанскую коллегію, заставила Фейхтерслебена сказать стихи, и была такъ восхищена умомъ и талантомъ мальчика, что приказала ему просить чего онъ хочетъ, обѣщая исполнить просьбу. Многіе мальчики его возраста вѣроятно попросили бы у принцессы какихъ нибудь выгодъ только для себя. Фейхтерслебенъ, не долго думая, попросилъ для себя и товарищей позволенія гулять и играть въ ботаническомъ саду, роскошныя, яркія растенія котораго давно привлекали любопытство школьниковъ. Просьба была исполнена и закрытый для нихъ садъ былъ открытъ въ извѣстные часы, которые и стали самыми счастливыми часами для школьниковъ.

Большая часть учениковъ терезіанской коллегіи были изъ богатыхъ свѣтскихъ кружковъ и принесли въ училище привычки къ роскоши и развлеченію. Разсчитывая на блестящую карьеру, они считали трудъ излишнимъ. Но были и другіе, и этихъ другихъ Эрнстъ привязалъ къ себѣ и сильно вліялъ на нихъ своею энергичною, честной натурою. Лишенія, которымъ онъ подвергалъ себя, вызывали удивленіе и подражаніе. Строгая справедливость и правдивость вызывали общее довѣріе, и нерѣдко приговоръ его въ школьныхъ спорахъ и ссорахъ считался неизмѣннымъ. Разъ одному мальчику, другу Эрнеста, вздумалось испытать его дружбу, и онъ обвинилъ Эрнеста передъ начальствомъ коллегіи въ какомъ-то мелкомъ проступкѣ, единственно для того, чтобы видѣть, какъ онъ поступитъ. Фейхтерслебенъ, призванный къ допросу, спросилъ имя обвинителя и когда

оно было названо, безпрекословно вынесъ наказаніе. Другъ его, узнавъ объ этомъ, бросился къ нему на шею со слезами и просилъ прощенья. Фейхтерслебенъ отвѣчалъ ему только: „Мнѣ жаль, что тебѣ надобно было прибѣгнуть ко лжи, для того чтобы провѣрить мою дружбу“.

Лаконическій отвѣтъ и безмолвное, гордое несеніе неза- служеннаго наказанія сильно напоминаютъ характеръ героевъ, которымъ мальчикъ стремился подражать.

Какъ многія талантливыя дѣти молчаливаго, сдержаннаго характера, Фейхтерслебенъ началъ рано вести свой дневникъ, или вѣрнѣе, вписывать въ видѣ короткихъ замѣтокъ мысли и впечатлѣнія навѣянные чтеніемъ. Однообразная школьная жизнь была небогата событіями и рѣдко когда пришлось бы занести въ дневникъ что другое кромѣ: „уроки шли сегодня какъ и всегда“. Въ воспоминаніяхъ своихъ о годахъ дѣтства и юношества Фейхтерслебенъ говоритъ: „Лютеръ ввелъ меня въ германскій бытъ, и я скоро вполне освоился съ нимъ. Я выбиралъ лучшія мѣста изъ древнихъ нѣмецкихъ книгъ и на заглавномъ листкѣ тетради написалъ: „Голоса предковъ“. Я въ то время писалъ даже пѣсни въ этомъ родѣ. Но когда повѣряя себя, спрашивалъ гдѣ мое сердце, всегда находилъ его въ Римѣ и Греціи. Тамъ было мое отечество. Тамъ были мои боги. Римъ и Греція—то были первыя торжественныя чувства дѣтской души моей. Смерть Ѳемистокла, жизнь Аристиды—то были мои сны. Все, что я находилъ на землѣ великаго и добраго, являлось мнѣ въ этихъ образахъ: человечество, отечество, гражданство—тройная святыня моей жизни“.

Съ годами и большимъ запасомъ знанія, Фейхтерслебенъ нѣсколько измѣнилъ характеръ поклоненія своего и самый кругъ героевъ его сильно расширился. Онъ восхищался уже не военными подвигами героевъ, а тѣми великими подви- гами, которые приносили людямъ знаніе, ученіе о мирѣ, о братской любви и союзѣ всѣхъ людей. Призваніе завоевателя теперь пугало его, напоминая о пролитой рѣками

крови, о тысячахъ жертвъ. Его идеалы—Лютеръ, который освобождаетъ народъ отъ католицизма, запрещавшаго давать библію народу, переводить библію для него и спасаетъ его отъ притѣсненій папъ и кардиналовъ; императоръ австрійскій Іосифъ II, который хочетъ освободить крѣпостныхъ и могъ только сильно ограничить произволъ помѣщиковъ, который какъ Маркъ Аврелій считаетъ потеряннѣе тотъ день, когда не уничтожилъ какое нибудь зло, не сдѣлалъ добра; Питтъ, англійскій министръ, который даетъ народу дешевый хлѣбъ; Сидней, англійскій герой XVII столѣтія, вводитъ въ Англіи справедливый и равнодоступный всѣмъ судъ и распространяетъ на бѣдныхъ и незнатныхъ нѣкоторыя привиллегіи знатныхъ и богатыхъ; Колумбъ, открывшій новый міръ; великіе ученые и мученики науки—вотъ кто были теперь любимые герои юноши Фейхтерслебена. Онъ вспоминаетъ объ этомъ переворотѣ идей своихъ въ такихъ словахъ: „Я въ особенности полюбилъ иные отдѣлы всемірной исторіи, подолгу останавливался на нихъ и любилъ пересказывать ихъ себѣ по своему: Колумбъ, реформація, Лютеръ, борьба сѣверо-американскихъ колоній за освобожденіе, реформы въ Австріи Іосифа II; Сидней—вотъ о чемъ я рассказывалъ себѣ. О Наполеонѣ и древнемъ мірѣ я позабылъ и думать“.

Герои новой исторіи стали ближе Фейхтерслебену. Они жили при условіяхъ болѣе сходныхъ съ тѣми, при которыхъ онъ готовился жить. Думая о жизни, ожидавшей его по выходѣ изъ училища, юноша не мечталъ ни о богатствѣ, ни о блестящемъ положеніи въ обществѣ. Честолюбіе его было крупнѣе и выше. Онъ хотѣлъ служить великой триадѣ, такъ онъ называлъ: отечество, согражданъ, человѣчество. Но какъ служить? въ шестнадцать лѣтъ онъ еще не зналъ этого опредѣленно, и только составлялъ „Календарь человѣчества“, т. е. записывалъ на каждый день года то, что случилось въ этотъ день достопамятнаго для человѣчества въ какомъ бы то ни было вѣкѣ и странѣ, или что ему каза-

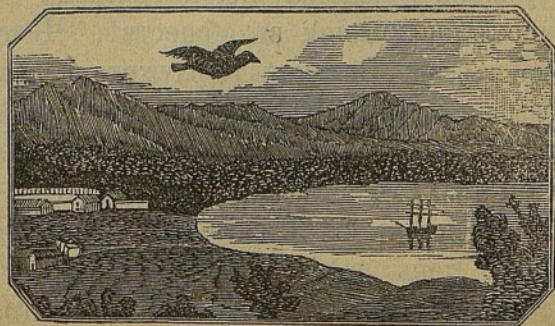

лось достопамятнымъ. Онъ готовился всѣми силами служить своей тріадѣ. Въ дѣтствѣ и юности готовится—значить стараться быть человѣчнымъ и учиться. Въ первомъ отношеніи онъ—тихій и суровый мальчикъ—счумѣлъ заслужить любовь окружающихъ людей, стоявшихъ ниже его по общественному положенію. Нѣмецкое дворянство отличается вообще высокоомѣріемъ, особенно въ сношеніяхъ съ низшими классами. Эрнстъ всегда относился ко всѣмъ съ равнымъ уваженіемъ. Онъ вынесъ изъ деревни уваженіе къ старикамъ, сильное въ народѣ, который чтитъ въ нихъ опытъ трудовой жизни. Въ простой деревенской жизни онъ не видѣлъ рѣзкаго различія сословій. Онъ говоритъ въ дневникъ своемъ: „Всѣ слуги и люди низшаго званія были добры ко мнѣ. Когда я былъ мальчикомъ, я уважалъ ихъ, потому что они старше меня; когда я былъ юношей, потому что видѣлъ въ нихъ людей, которые несчастны по своему удѣлу въ жизни“.

Фейхтерслебенъ, не довольствуясь усиленными занятіями по исторіи, занимался и естественными науками. Природа, которую онъ такъ любилъ, влекла его, и онъ хотѣлъ узнать жизнь ея. Лѣтъ 13—14, начитавшись въ исторіи объ алхимикахъ, онъ занялся алхиміей, мечталъ о дѣланіи золота, элексирѣ вѣчной жизни, словомъ, обо всѣхъ мечтахъ алхиміи. Позднѣе онъ понялъ, что алхимія не наука, а сборникъ суевѣрій человѣчества и занялся настоящими науками.

М. Дебрикова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

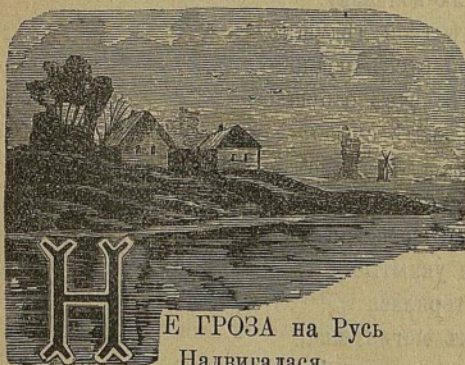

ОТРОКЪ.

Легенда.

(Продолженіе).

Е ГРОЗА на Русь
Надвигалася,
И не Волга въ ней
Взволновалася,
То орда татаръ
Ополчилася,
Ополчилася
И сразилася,—
На святой Руси
Встала тучею,
Поднялась бѣдой
Неминучею.
И меня въ полонъ
Взялъ татаринъ злой,

. . . . .
. . . . .

И въ глухую степь
На конѣ увезъ,
Гдѣ не мало я
Проливала слезъ;
Свою родину
Вспоминаючи,
Долю горькую
Проклинаючи.
Да пришла пора;
Въ ночь темную
Отъ татарина
Въ Русь крещеную
Полетѣла я,
На сторонущу, —
Искать прежнюю
Волю-волюшку.
Гдѣ твой дѣдушка
Мой отецъ родной
Вмѣстѣ съ бабушкой
Во землѣ сырой
Спятъ татариномъ
Злымъ убитые,
Бѣлымъ саваномъ
Не укрытые.
Затерялася
Ихъ могилушка,
Я одна съ тобой
Сиротинушка.
Ой, баю, баю,
Дитя милое,
Успокойся ты
Неразумное.

Такъ будетъ слушать надъ собой
Напѣвы матери родной
Вольнолюбивое дитя,
И мать о прошломъ погрузя
Его для доли золотой,
Съ любовью вскормить и вспоить,
А онъ какъ вырастетъ большой

За Русь святую постоять,
И послѣ дневнаго труда,
Въ своей избушкѣ иногда,
Собравъ вокругъ себя дѣтей,
Счастливыхъ женъ и матерей,
Разскажетъ быль минувшихъ дней.

III.

Въ селѣ отъ Волги недалеко,
Какъ сиротинка одиноко, —
Стояла бѣдная избушка
А въ ней жила вдова-старушка,
Съ своею дочкою родной.
Во всемъ селѣ милѣй и краше
Пожалуй не было Наташи,
Цвѣткомъ взлелѣяннымъ весной
Она росла и разцвѣтала
Своею дивною красотой;
Шестнадцать лѣтъ ей миновало,
И вотъ пора любви настала,
Любви невинной и святой.

—

Шумить по берегу трава,
И солнце весело сіяетъ,
Въ окно открытое вдова
Глядитъ задумчиво, зѣваетъ,
А дочь за двери выбѣгаетъ
Скорѣй въ зеленый огородъ,
Тамъ, гдѣ подсолнечникъ растетъ,
И макъ пунцовый разцвѣтаетъ,
Идетъ глубокою межей.
Подъ вербой отрокъ молодой
Нетерпѣливо дожидаетъ
Ее съ любовью и тоской.
И бросивъ полный счастья взоръ
Заводитъ тихій разговоръ.
И долго слушаетъ она,
Восторга чистаго полна,
Вся окруженная сіяньемъ

Вкругъ торжествующаго дня.

. . . . .
. . . . .

IV.

И вотъ насталь желанный мигъ:
Идетъ съ невѣстою женихъ
Рука съ рукой большимъ селомъ.
Ни тучки въ небѣ голубомъ,
А солнце съ ясными лучами
Полдневнымъ жаромъ обдаеть
Веселый праздничный народъ,
Вотъ Божій храмъ горить огнями,
И лики строгіе святыхъ
Сквозь дымъ свѣчей на молодыхъ
Глядятъ спокойными очами,
Они же чистыми устами
Твердятъ молитву, чтобы Богъ
Ихъ жизнь устроилъ безъ тревогъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V.

Князь Михаилъ съ своей дружиной
Съ охоты ѣдетъ соколиной
На ворономъ конѣ.
Гдѣ быстро Волга протекаетъ,
Крестами мѣдными блистаетъ
Храмъ Божій въ сторонѣ.
Кругомъ широкая равнина,
Сараи ветхіе, овины
Мелькають тутъ и тамъ.
Избушки бѣдныя чернѣютъ,
И огороды зеленѣютъ
По волжскимъ берегамъ.
Рѣзвятся маленькія дѣти,
Рыбакъ бросаетъ свои сѣти,
Плывя на челнокѣ.
А съ неба лететь море свѣта,

Вдали пастухъ играетъ гдѣ-то
Уныло на рожѣ.
И утомленный Михаилъ
Съ своей охотою спѣшилъ
Въ убогое селенье.
Чтобы войти подѣ тихій кровъ
И въ немъ забыть свое волненье,
И бремя княжескихъ трудовъ.
Спустивъ на волю соколовъ,
Уже къ селу онъ приближался,
Вдругъ соколъ князя потерялся
Изъ глазъ, средь легкихъ облаковъ.
Завѣту вѣруя Христа,
Князь Михаилъ перекрестился
На Божій храмъ и удивился,
Что сильный соколъ вкругъ креста
Его святаго зацѣпился,
Своею цѣпью золотой,
И какъ не рвался и не бился,
Не могъ порвать онъ цѣпи той,
И у обители святой
Съ дружиной князь остановился.

С. Дрожжинъ.

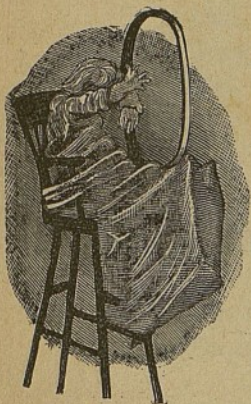
(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Святыя горы.

ТЪ СЛАВЯНСКА не больше семнадцати верстѣ до Святыхъ горъ, говорили намъ, побывайте тамъ, и именно теперь-то, ранней весной тамъ и прекрасно, монастырь посмотрите и Богу помолитесь. Мы собрались—беремъ съ собой Марѳу Никифоровну и Абрама.—Абраму Святыя горы знакомы такъ же какъ Кантеміровка,—Никифоровнѣ еще больше, она два года жила въ селѣ Банномъ, стоящемъ на монастырской землѣ; знаетъ тамъ всѣхъ и все, начиная отъ лѣсовъ до пещеръ въ мѣловыхъ горахъ. Сборы наши были непродолжительны, уложено въ чемоданчикъ немного бѣлья, въ коляску три подушки. Коляска четверней готова, Иванъ кучеръ счастливъ, онъ, въ щегольскомъ нарядѣ, собирается прокатить молодецки по Славянску, но прокатить по Славянску не всегда удастся. Тамъ послѣ дождя, по нѣкоторымъ улицамъ проѣзда нѣтъ,—экипажи тонутъ и вязнутъ въ глубокой грязи, чтобы выбраться на твердое мѣсто случается припрягать воловъ.

Мы пустились въ путь послѣ обѣда. Въ Славянскѣ по-

чевали. Всю ночь шелъ проливной дождь; утро наступило прелестное, свѣжее. Мы выѣхали рано. Дорога отъ Славянска до Святыхъ горъ пустынная, по сторонамъ луга, на нихъ пасутся отары овецъ, вдали мелькаетъ рѣка, дорога огибаетъ небольшое озерко. Степь разступалась передъ нами, по травѣ блестѣли капли ночного дождя.

— Всѣ эти поля и луга, сказала Марѳа Никифоровна, когда мы были верстахъ въ пяти отъ Святыхъ горъ, принадлежатъ монастырю. Прежде иноки сами занимались хлѣбопашествомъ, а теперь крестьянамъ сдаютъ. Крестьяне здѣсь бѣдные, мало-земельные, сборы большіе—обитель и выручаетъ.

Вскорѣ дорога пошла по откосу горы, поросшей снизу сосновымъ боромъ. Запахло смолой и лѣсными цвѣтами. Вдали мелькнула небольшая церковъ и скрылась въ деревьяхъ. Чѣмъ ближе къ Донцу и его притокамъ, тѣмъ живописнѣе природа и пошли рощи, то лучъ утренняго солнца обольетъ васъ свѣтомъ, то вѣтка, задѣтая верхомъ коляски, осыплетъ каплями ночного дождя. Въ глубинѣ лѣса куковали кукушки, и слышались голоса разныхъ птицъ. Хотѣлось только слушать и дышать. Мѣстами попадались мѣловыя горы. Когда дорога свернула направо, открылись лѣса, бѣлыя стѣны монастыря, колокольни, храмы точно спустившіеся съ горъ къ рѣкѣ. Утреннее солнце освѣщало дворы обители, длинные ряды келій, кровли храмовъ, раины, каштаны и величавыя мѣловыя горы.

— Что здѣсь птицы, что звѣрья! говорилъ Абрамъ, радуясь на лѣсъ, и крестясь какъ только показывался храмъ или часовня. Мы тихо подъѣхали къ гостинницѣ. Инокъ открылъ намъ чистыя комнаты, съ довольно опрятными постелями; пока готовили чай и устроивались въ двухъ отведенныхъ намъ комнатахъ, мы вышли на низенькое крылечко обнесенное перилами и сѣли на стоявшія тамъ скамейки; передъ нами открывался весь дворъ. Зданіе гостинницы окружаетъ его правильнымъ четырехъугольникомъ. По двору ходили богомольцы. Тутъ были представители Украины и

Новороссіи, греки изъ Крыма, русскіе, малороссы, болгары, казаки съ Дона. Большинство богомольцевъ приходятъ пѣшкомъ. Какъ только наступить весна—такъ они и поднимаются съ мѣстъ и идутъ партіями, не смотря ни на что, ни даже на ростепель—по колѣни въ водѣ. По пути въ селеньяхъ богомольцевъ даромъ кормятъ и поятъ.

Въ Святыхъ горахъ обитель кормитъ богомольцевъ на свой счетъ. Имъ дается разъ въ день кулишъ, щи постныя, каша съ коноплянымъ масломъ, хлѣбъ и квасъ. А если кто захочетъ что нибудь сверхъ этого, то можетъ купить въ гостинницѣ или у торговокъ, которыя рядами сидятъ во дворѣ съ разными товарами.

Трапезная для богомольцевъ отдѣльная; также и квасная. Выстроена и обширная чайная. Обитель даетъ посуду и кипятокъ, а за чай и сахаръ платятъ.

Все это рассказалъ намъ монастырскій служка, который принесъ самоваръ, сливки и бѣлые хлѣбы.

Напившись чаю, мы пошли къ Донцу. Что это было за прелестное утро! что за роскошныя картины окружали насъ! что за аромат весеннихъ полей! Вѣтки, опушенные первой зеленью, клонились къ водѣ; въ нихъ шуршили и перекликались какія-то птички.

Донецъ едва струился, ему какъ будто жалъ было оставлять тихіе берега — поросшіе голубыми барвинками, тюльпанами, южной фіалкой и розовыми кустами райскаго дерева; на береговой песокъ выбѣгали кулички и остановясь у воды, точно смотрѣлись въ нее.

Мѣловыя горы общей массой поднимаются снизу вверхъ и тамъ дѣлятся на конусообразныя формы, отдѣленные другъ отъ друга синеватою тѣнью. На нихъ темными точками виднѣются входы въ подземныя кельи. Все это охвачено дубовымъ лѣсомъ, на которомъ еще рѣзче выдѣляется мѣловой грунтъ скалъ. На этихъ скалахъ раскидывается платформа, а на ней церковь святаго Николая съ колокольнями и куполами. Сверху внизъ, прямо къ монастырю, зигзагомъ

спускается галлерей, то выбѣгая изъ-за деревьевъ, то прячась въ лѣсной чащи.

Сама обитель, съ своими бѣлыми стѣнами, красивыми домами, съ монументальными колоннами Успенскаго собора подходитъ къ Донцу. Надъ этимъ въ высотѣ сіяетъ золотой крестъ. Налѣво идутъ стѣны гостинницы, а еще лѣвѣе, верстахъ въ трехъ отъ обители, пріютилась въ зелени вилла Потемкиныхъ.

Донецъ ниже дѣлится рукавами и образуетъ острова, сплошь поросшіе соснами, дубами, березами, сквозь которыя виднѣются соломенные крыши ближнихъ селеній и лиловатый дымъ вьющійся изъ трубъ.

При монастырѣ устроена для богомольцевъ больница, она содержится отлично на счетъ обители.—Въ семи верстахъ, также на счетъ монастыря, устроена школа на пятьдесятъ мальчиковъ. Учатъ дѣтей старые монахи. Вообще монастырь старается быть полезнымъ окрестному населенію, за сдѣланныя пособія крестьяне отработываютъ.

Громадный соборъ обители, не смотря на свою массивность, имѣетъ видъ чрезвычайно легкой. Строилъ этотъ соборъ простой крестьянинъ подрядчикъ, безъ помощи ученаго архитектора, и говорятъ, почти изъ одного усердія. Соразмѣрность и красота линій поразительны.

Осмотрѣвши обитель и походивши по берегамъ Донца, мы возвратились въ гостинницу, — отдохнули и, послѣ ранняго монастырскаго обѣда, отправились, съ проводникомъ монахомъ на пасѣку и другія хозяйственныя заведенія Святогорской обители.

До пасѣки было недалеко. Черезъ часъ ходьбы мы были тамъ. Пасѣка расположена на невысокой, цвѣтущей горѣ, обнесенной заборомъ. За заборомъ стоитъ деревенская хата на двѣ горницы, среди рощи яблонь, сливъ, грушъ, вишни, черешни, абрикосовъ и множества цвѣтовъ, между которыми помѣщается пропасть колодокъ пчелъ, каждая колодка обтянута обручами и накрыта глиняной чашкой отъ

дождя.—Кругомъ пахло весенними цвѣтами; тишина, миръ нарушались только жужжаньемъ пчель.

Въ хатѣ живетъ старый монахъ пасѣчникъ съ двумя помощниками. Онъ радушно показывалъ намъ все заведеніе, говорилъ что у обители имѣется еще другая пасѣка, и они получаютъ до 150 пудовъ меда.

— У насъ на пасѣкѣ, продолжалъ старецъ, благодать,—что за воздухъ! что за красота! роща-то вся фруктовая. Пчелѣ приволье. А ночью! соловьи заливаются поютъ, и пчела любитъ соловьиную пѣсню. Они здѣсь и гнѣзда выютъ.

Пониже фруктовыхъ деревьевъ, дубовый лѣсъ спускается къ кельямъ схимниковъ. Мѣстами сквозь деревья сверкаетъ Донецъ и вѣтъ отъ него слегка прохладой.

Отъ пасѣки, восхитительная дорога идетъ по скату, среди зелени роскошнаго орѣшника и райскаго дерева и исчезаетъ въ вишнякѣ, такомъ густомъ, что вѣтки хлещутъ вамъ по лицу. Запахъ ландышей и фіалокъ и безчисленные голоса птицъ переполняютъ воздухъ,—такъ и хочется тутъ отдохнуть отъ всего. Сквозь зелень, чуть-чуть виднѣются легкія очертанія золоченой главы скитской церкви; гдѣ-то журчитъ ручей. Просѣка ведетъ къ Донцу. Донецъ течетъ какъ въ полуснѣ, скользнетъ по поверхности рыбка, всколыхнетъ дремлющую воду и бултыхъ на дно. Въ прибрежномъ тростникѣ квакають лягушки,—порой выпорхнетъ утка дикая. Тамъ лодочка плыветъ по рѣкѣ, тутъ рыбакъ закидываетъ удочку. Все дышетъ счастьемъ жизни—все дышетъ миромъ души.

Въ чемъ бы ни находила душа миръ и счастье—лишь бы нашла, если это соотвѣтствуетъ требованію и пускай. Въ дурномъ счастья не найдешь.

Когда мы шли этой волшебной дорогой, сквозь пушистую, юную, еще золотистую зелень и бѣлый цвѣтъ райскаго дерева сквозили темные сучья и все было проникнуто тепловатыми тѣнями, пахнетъ вѣтерокъ и осыплетъ бѣлыми листочками.

Намъ предложили посмотрѣть пещерную церковь, устроенную во имя святыхъ Антонія и Θεодосія.

Въ этой церкви, говорилъ намъ нашъ проводникъ, служеніе совершалось еще издревле, но никто не зналъ объ этомъ. Когда обновилась наша обитель, продолжалъ онъ, то къ намъ помѣстился столѣтній старецъ, который въ дѣтствѣ своемъ бывалъ еще въ прежнемъ монастырѣ, и открылъ древнюю церковь.

Вотъ какъ оно случилось:

Старецъ этотъ еще ребенкомъ, однажды, пася стада своего отца, случайно набрелъ на слуховое окно въ горѣ. Объ этомъ открытіи онъ сказалъ инокамъ, но ему не повѣрили, несмотря на то, что онъ указывалъ имъ на горѣ, небольшое отверстіе и говорилъ, что это отверстіе и есть слуховое окно подземнаго храма. Преосвященный Инокентій приказалъ разрыть гору въ указанномъ мѣстѣ, — раскопали и вошли въ алтарную часть подземелья. Тамъ увидали жертвенникъ и престолъ. Затѣмъ очистили весь храмъ, входы и выходы; по сторонамъ храма увидали пещерки, гдѣ 400 лѣтъ тому назадъ жили иноки. Сырой мрачный воздухъ подземелья стѣсняетъ дыханье. Лики иконъ, освѣщенные трепетными огоньками лампадокъ, смотрятъ сурово. Такъ и тянетъ оттуда на чистый воздухъ.

Мѣловые горы прорѣзаны подземными ходами, идущими сверху внизъ. Надъ входными отверстіями колышутся дубовыя вѣтки. Входятъ въ горы со свѣчами, идутъ тихо другъ за другомъ, такъ тамъ тѣсно. Дороги разбѣгаются въ разныя стороны. Тонкіе слои кремня прорѣзываютъ и скрѣпляютъ мѣловую породу. На стѣнахъ видны надписи, сдѣланныя посѣтителями. Одна дверь ведетъ въ пещеру, гдѣ спасался знаменитый затворникъ Іоаннъ. Въ стѣнѣ его кельи вырубленъ крестъ и лежатъ тяжелыя вериги. Выйдешь изъ подземелья вздохнешь полной грудью живой воздухъ, и еще глубже трогаютъ душу красоты Божьяго міра.

Вотъ синѣютъ горы, а тамъ въ лѣсу пріютилось село,

ниже—изумрудный лугъ, стада, по Донцу ползутъ лѣсные плоты и смотрится въ него обитель. Солнце грѣетъ жарко, горный вѣтеръ освѣжаетъ, кругомъ льется смолистый запахъ.—Хорошо!

Іоаннъ-Затворникъ семнадцать лѣтъ прожилъ въ пещерѣ. Это былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ. Онъ родился въ 1795 году въ Курскѣ, въ дѣтствѣ своемъ онъ часто слыхалъ рассказы о жизни разныхъ затворниковъ, а такъ какъ юные всегда ищутъ подвиговъ, то однихъ это ведетъ въ битвы, другихъ въ опасныя экспедиціи—его повело въ святогорскія мѣловыя скалы. Иванъ Крюковъ (такъ его звали въ свѣтской жизни) съ восьми лѣтъ думалъ о монастырѣ и сталъ просить отца отдать его въ школу, отецъ его отколотилъ и тѣмъ все кончилось. Нужда тѣснила семейство, думать о школѣ было нечего. Мальчика помѣстили на семь лѣтъ въ ученье къ мастеру, работавшему изразцы — человѣку жестокому, безсердечному. Онъ долженъ былъ дѣлать изразцы для печей, расписывать ихъ, муровать и выжигать. Въ первый же день ребенку дали работу, не объяснивши какъ ее сдѣлать. Конечно онъ спуталъ, за это хозяинъ ударилъ его ногой такъ, что онъ упалъ замертво и едва оправился. Въ другой разъ онъ ударилъ его изразцемъ въ грудь—упалъ ребенокъ безъ чувствъ, обливаясь кровью, и только къ вечеру его возвратили къ жизни. Тихій, кроткій мальчикъ часто проводилъ ночи, глядя въ темноту, гдѣ ему чудились лики святыхъ, ангела и Спасителя, которые утѣшали избитаго, измученнаго ребенка, и онъ радостно плакалъ, забывая свои страданья.

Одичавшій отъ побоевъ, мрачный и нелюдимый Иванъ, недождавши до срока трехъ лѣтъ, перешелъ къ хозяину-прасолу—прикащикомъ. По требованію родителей онъ женился и сдѣлался извѣстенъ, какъ искусный лѣпщикъ. Наконецъ открылъ онъ свое изразцевое заведеніе и два постоянные двора. Такъ продолжалось около десяти лѣтъ, до смерти его отца и жены. Когда же мать его пересели-

лась на житье къ дочерямъ, и онъ остался одинокимъ, то отправился въ одинъ пустынный монастырь. Пустынность обители, захолустье напомнили ему мечты его дѣтства; любовь къ трудовой жизни иноковъ, жизнь созерцательная, чуждая корыстныхъ заботъ, снова вспыхнула въ его сердцѣ, и онъ поступилъ въ монастырь; мало того, самъ себѣ сдѣлалъ желѣзные вериги, надѣлъ на себя и не снималъ всю жизнь. Окончивши свои мірскія дѣла, онъ отправился въ Глинскую пустынь, заслоненную ото всего міра дремучимъ лѣсомъ; тамъ и складывалъ печи. Сорока двухъ лѣтъ онъ учился грамотѣ и сдѣланъ былъ экономомъ Глинской пустыни.

Когда же была открыта обитель Святогорская, Іоаннъ перешелъ въ Святыя горы—также экономомъ. Тутъ явилась сила его характера вполне. Не предупредивъ, онъ распорядился отсѣчь часть мѣловой горы подъ гостиницу. Противъ него возстали, но онъ настоялъ на своемъ—гора была отсѣчена. Кромѣ того Іоаннъ велъ борьбу съ управителемъ Потемкиныхъ за ограбленныхъ имъ крестьянъ и отсѣкалъ горы. Смирять перестали—онъ держался такъ настоятельно, что на него махнули рукой и наложили на него мантию. Затѣмъ Іоаннъ роется въ землѣ какъ кротъ, находитъ старые подземные храмы, высѣкаетъ самъ изъ камней престолы—и сталъ ихъ очищать. Одна келья ему такъ полюбилась, что онъ часто уединялся туда отдыхать, сдѣлалъ въ ней деревянный пристѣнокъ и дверь и сталъ проситься въ затворъ, послѣ тщетныхъ уговоровъ—ему разрѣшили затвориться. Ввели въ мѣловую пещеру—и заперли на замокъ. Въ двери продѣлали оконцо, куда ему подавали пищу и питье.

Плохо зная грамотѣ, неученый крестьянинъ, онъ не давалъ поученій приходившимъ къ нему. Это вызывало обидное обращеніе съ нимъ. „Не могу выразить, говорилъ онъ, по ученому того, что чувствую здѣсь въ сердцѣ“.

Впослѣдствіи онъ ослѣпъ. Такъ прошло семнадцать лѣтъ. Въ 1867 году онъ началъ таять, безпрестанно молился, мало употреблялъ пищи, наконецъ слегъ въ гробъ служившій ему

постелью и въ августѣ окончилъ жизнь, не измѣнивъ своему затвору.

И это не характеръ? сказалъ о немъ въ своихъ очеркахъ Святыхъ горъ Немировичъ-Данченко.

Рядомъ съ Іоанномъ затворникомъ, онъ ставитъ святогорскаго монаха отца Антонія, котораго называетъ святогорскимъ Эдиссономъ.

Разными путями и къ разнымъ цѣлямъ шли оба эти чловѣка равно сильные, твердые, непреклонные.

Т. Лассекъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ВЪ ОБЪЕМѢ 2-ХЪ, 3-ХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ НЕДѢЛЮ; ВЪ ВАЖНЫХЪ ЖЕ СЛУЧАЯХЪ, ВМѢСТО ОДНОГО, ПО ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торгovyя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ сжатомъ удобномъ для чтенія видѣ.—Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы, преимущественно историческіе, и стихотворенія.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцука“ помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также **Критика, Библиографія и МОДЫ** съ рисунками.—Въ теченіе года Газета даетъ въ текстѣ до **400** художественно исполненныхъ рисунковъ.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники. (Ө. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. Н. Плещеевъ и др.).

Въ началѣ года будетъ печататься въ Газетѣ святочный рассказъ г. Лѣскова „Страшная ночь въ Инженерномъ Замкѣ“ и переводъ тольбо что появившихся въ свѣтѣ „Записокъ гр. Капюстро“.

Годовые подписчики на 1882 годъ получаютъ въ началѣ года **Олеографическій портретъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА III**, въ концѣ же года **Брестовый календарь на 1883 г.** на лучшей бумагѣ и 3-й выпускъ иллюстрированныхъ драмъ **Шекспира**.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ — 5 руб., на $\frac{1}{2}$ г. (съ Янв. и Юля) 2 р. 75 к. на 1 мѣс. 75 к.

Въ Петербургѣ и друг. городахъ подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука; отдѣленіе ея—Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Редакторъ **А. А. ГАТЦУКЪ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ „ИГРУШЕЧКА“.

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

Годъ Изданія Третій.

Одобрень Министерствомъ Народнаго просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ, для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, и также одобрень Ученымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, библіотекъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1882 году журналъ „ИГРУШЕЧКА“ будетъ издаваться еженедѣльно отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ и епиграмами Е. М. Бемъ.

Въ февралѣ 1882 г. выйдетъ въ „ИГРУШЕЧКѢ“ повѣсть графа Е. Саллиаса—Самоваръ, и въ продолженіи всего года будутъ помѣщаться статьи, соотвѣтственно отроческому возрасту, еще небывшія въ печати „ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА“, Малая Подъячская, д. 4, кв. 16; въ „Современномъ книжномъ магазинѣ“, Пушкинская ул., д. 4, гдѣ находится отдѣленіе конторы журнала „ИГРУШЕЧКА“, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Н. Г. Мартынова. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. Безъ доставки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Редакторъ-издательница **Т. Пассекъ.**

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 севрала 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.